

Выбираем детский сад до ребёнка с нарушенным слухом

Зоя Бойцева: Привет, я Зоя Бойцева.

Алла Маллабиу: А я Алла Маллабиу.

Зоя Бойцева: Мы основатели организации «Я тебя слышу» и работаем для того, чтобы люди с нарушенным слухом чувствовали себя уверенно и комфортно в обществе; а все остальные не теряли слух по причинам, которые можно предотвратить.

Алла Маллабиу: Наш подкаст «Не понаслышке» – это 11 выпусков, которые охватывают основные темы, волнующие родителей детей с нарушенным слухом, от постановки диагноза и причин потери слуха до примеров успешных слабослышащих молодых людей.

Алла Маллабиу: Как выбрать детский сад для наших детей с нарушенным слухом? Можно ли ребенку пойти в массовый садик или это должно быть специальное учреждение? А чем вообще они отличаются, какие специалисты там работают? Вопросов много, но ясно одно - важно, чтобы ребенок оказался в подходящей для развития среде.

Зоя Бойцева: Чтобы во всем этом разобраться мы поговорили с Мариной Гурьевой, она сурдопедагог Детского городского Сурдоцентра Санкт-Петербурга.

Зоя Бойцева: Марина Геннадьевна, как выбрать детский сад, и какой?

Марина Гурьева: Наверное, правильнее будет поставить вопрос так: в какой садик нашего ребенка могут взять, и в каком садике он может обучаться до школы? Раньше наши дети могли попасть как в специальный садик – коррекционный сад по слуху. В массовый садик – это разрешает наш закон по образованию. И некоторые дети попадали в речевые, так называемые логопедические детские сады. К сожалению, с прошлого года в «ГосРеестре» появилась такая запись: коррекционные сады, которые работают с детьми с нарушениями речи, должны брать детей с нарушениями речи, не имеющих нарушений слуха. Эта фраза сейчас очень сильно ограничивает возможности попадания в речевые коррекционные сады для наших детей. Итак, ребенок имеет право идти в массовый детский сад и в коррекционный детский сад по слуху. Чтобы в массовом саду ребенок не сидел просто так, чтобы ему была организована какая-то помощь, сейчас придумана программа: детский сад, куда идет этот ребенок, получает рекомендации от комиссии, и должен написать специальную образовательную программу для такого ребенка. В ней будут прописаны

коррекционные занятия – таким образом будет обеспечена реабилитация внутри садика, внутри образовательной программы. Эти программы можно посмотреть специалистам и родителям, если зайти на сайт «ГосРеестра», там выложены разные примерные образовательные программы – в том числе, и для детей с кохлеарными имплантами.

Алла Маллабиу: То есть здесь массовые детские сады пошли по пути инклюзии, по пути массовых школ? Потому что там происходит точно такая же история.

Марина Гурьева: Совершенно верно. Я бы сказала, что в идеале они должны пойти по этому пути: это достаточно непростой путь, потому что не каждому хочется брать на себя дополнительную ответственность, дополнительную работу, искать специалиста на ставку – для одного ребенка ставку не дают, как вы понимаете – то есть нужно набирать нескольких таких деток, проявлять достаточно большую активность. Я надеюсь, что это все-таки будет развиваться и внедряться.

Алла Маллабиу: Интересно: должен ли – и обязан ли – детский сад взять ребенка, который пришел с рекомендацией после психолого-медико-педагогической комиссии? Может ли детский сад официально отказать родителям?

Марина Гурьева: Насколько я понимаю, нет. Повторюсь: у нас в законе об образовании прописано право ребенка на посещение массового детского сада, и отказать – особенно, если это детский сад по месту жительства и место в саду есть, семья стояла на очереди – не могут. Другое дело, что могут всячески стараться такую программу не писать, обходить, решать этот вопрос как-то менее затратно.

Зоя Бойцева: Часто родители не хотят отправлять ребенка в специализированный детский сад, в сад для детей с нарушенным слухом, потому что боятся жестовой речи, боятся, что ребенок будет...

Алла Маллабиу: Потому что все хотят, чтобы ребенок быстрее заговорил, и хорошо заговорил, и ему нужна качественная речевая среда. Считается, что в коррекционном детском саду качественной речевой среды нет, и не будет: там дети плохо говорят, плохо слышат и используют жестовую речь. Как быть родителям в такой ситуации?

Марина Гурьева: Я всегда говорю, что нужно смотреть не на сад и не на программу в целом. Надо смотреть на людей: человеческий фактор решает всё. Безусловно, если мы будем сравнивать массовый и специальный садик – конечно, речевая среда лучше и качественнее в массовом детском саду, потому что там дети с нормой речи, с нормой произносительной стороны речи – это важно. Это все равно, как если мы учим иностранный язык просто с педагогом, особенно если этот педагог – не носитель языка

– и коммуницируем, всегда имея возможность вставить какое-то слово, которое мы не помним, не знаем на иностранном языке. Педагог вас поймет, кивнет, поправит. Или мы учим язык непосредственно в среде, поехав за границу, устроившись на работу. Понятно, что это труднее, но это намного эффективнее. Та же ситуация с речевой средой.

Но все равно, человеческий фактор имеет очень большую значимость, потому что даже среди спецсадов есть те, которые мы, как специалисты, имеющие возможность наблюдать очень большое количество детей через наши курсы – через центр проходят практически все дети города – и какие-то сады мы можем порекомендовать со спокойным сердцем, а в какие-то не рекомендуем идти, потому что у нас были прецеденты, когда ребенку с имплантом имплант просто снимали, и не надевали. Ребенок был в шоке, потому что он после подключения стал очень ценить свой слух, свои возможности, которых у него никогда не было: он плакал, жаловался маме, показывал на ушко – еще не говорящий ребенок был. Родителям пришлось уйти из этого садика бегом. Позиция персонала была такой: «А зачем? Он ведь может на прогулке его уронить, повредить». То есть тут зависит от персонала и от того, какое отношение и какие знания они имеют в этой области.

Зоя Бойцева: Я как раз хочу рассказать о нашем опыте. Тимофей попал в логосад, и сначала воспитатели его боялись, это было видно. Однажды у него слетел магнит – казалось бы, просто прилепи его обратно – они позвонили мне: «Зоя Андреевна, у нас тут такое – слетел магнит!», я им говорю: «Прицепите обратно». А они говорят: «Нет-нет, мы не хотим даже трогать». В общем, я приехала и прилепила ему магнит. Тима был маленький, и было видно, что они его боятся.

Марина Гурьева: Это как раз к вопросу о том, если родитель отдает ребенка в массовый садик или интегрированный. Если ребенок идет в детский садик, где специалисты не знают, что такое аппарат или кохлеарный имплант, на мой взгляд, задача родителей такова: во-первых, показать значимость аппарата и импланта, что не носить его – это не вариант для ребенка, что от этого зависит удобность ребенка в группе, послушность и поведение, потому что если ребенок не слышит – он не выполняет инструкции, ему не интересно, и, может быть, делает что-то, чего делать нельзя. Если воспитатели будут это понимать, они не будут лишним раз оставлять ребенка без аппарата, без импланта, и будут проверять его рабочее состояние. Второй момент связан как раз с рабочим состоянием: родители должны просто и понятно показать воспитателю, что представляет из себя аппарат или имплант, как он работает, когда он работает или не работает, что можно и нельзя с ним делать, как менять батарейки – самые простые вещи. Они должны стать для воспитателя не страшными, а понятными. Тогда, если будет обеспечен слух, слуховое восприятие для

ребенка – все остальное пойдет легче. Мне кажется, это самые важные моменты, когда вы отдаете своего малыша в детский сад.

Зоя Бойцева: Хочу еще добавить: иногда родители перегибают палку. Мы знаем истории, когда они приходят и говорят: «Боже, это так дорого, не дай бог, чтобы с этим аппаратом что-то случилось, это полтора миллиона!»

Марина Гурьева: Он, наоборот, откладывает его на полочку, чтобы, не дай бог, кто-нибудь его не тронул, чтобы он не упал в песок и ничего не случилось.

Зоя Бойцева: И воспитателю не пришлось бы до конца жизни его оплачивать. Поэтому, дорогие родители, постарайтесь не так сильно напирать на стоимость. Да, объяснить, что это очень важно, но при этом не запугать бедного воспитателя.

Марина Гурьева: Мне кажется, нужно найти золотую середину. Найти о важности и стоимости тоже нужно, потому что это не та вещь, которую можно купить в магазине, как хлеб или булку. Всё зависит от эмоциональной подачи: если говорить с полными ужаса глазами – конечно, можно заразить этим ужасом воспитателя – и ему будет страшно просто брать в руки такую дорогую вещь. Но воспитатель должен знать о том, что это недешевый предмет, который нелегко получить. Тогда он будет следить за тем, чтобы другие дети не срывали, не ломали, не хватали имплант или аппаратик, и тоже бережно относились. Потому что от того, как воспитатель объяснит другим детям все эти важные моменты, будет зависеть поведение одноклассников

Зоя Бойцева: Бывали ли у вас такие прецеденты, когда в саду что-то происходило с одноклассниками? Потому что у Тимофея ни разу не было такого, чтобы кто-то как-то...

Марина Гурьева: Честно говоря, не было такого, чтобы кто-то из детей сорвал или сломал. Были оплошности самих деток, которые носят импланты, когда они могли заиграться и имплант мог упасть с ушка – а они не заметили, и отвлеклись. Было такое, что отвалился магнит, и его мальчик утащил к себе домой как какую-то интересную штучку, и потом обнаружилось: мама стала искать, спрашивать других родителей, и кто-то ей прислал фотографию с ним. Оказалось, что он дома у другого ребенка, в коробке с кубиками.

А чтобы специально вредничали – такого не было.

Алла Маллаби: Давайте более конкретно поговорим о плюсах и минусах. Если мы говорим о массовом саде, его очевидный плюс – речевая среда. А какие очевидные минусы?

Марина Гурьева: Если ребенок не получает больше нигде никаких специальных занятий, и родители не могут обеспечить ему со своей стороны какую-то грамотную реабилитацию – часто бывает, что ребенок начинает сильно отставать в речевом развитии, к этому может присоединяться вторичное отставание в психическом развитии. Воспитатели не знают, как такого ребенка вовлечь в деятельность. Дети тоже подошли, что-то предложили, он не ответил – его больше не приглашают в игру. Он сидит одиноко – и никакую речевую среду он не осваивает и не получает. Тут очень важно, чтобы взрослые, которые находятся рядом с ребенком, были равнодушны, старались вовлекать его в разную деятельность. А если специалисты, которые находятся рядом, думают: «Сидит, и ладно» – это очень большой минус. Ребенок никуда не двигается, не получает никакой социализации.

Мы должны понимать, что реабилитация – это не только говорить и слышать, учиться на пятерки, это не только академические знания. Прежде всего, это социализация и адаптация в мире, чтобы ребенок мог стать самостоятельным, чтобы он мог решать какие-то задачи, соответствующие возрасту, а став взрослым – соответствующие жизненной позиции и личной жизни. Если этого не происходит – никакие отдельно взятые занятия по речи и слуху не работают, если нет социализации.

Алла Маллаби: А какие у вас наблюдения по поводу социализации? Что больше всего помогает детям? Семья, которая работает в этом направлении, или образовательное учреждение? Например, у нас был разговор с парнем, который учился в коррекционной школе. Он говорил, что после коррекционной школы у него были проблемы с социализацией. А девочки, которые учились в массовых учебных заведениях – у них никаких проблем не было.

Марина Гурьева: На мой взгляд, в этом и есть опасность специальной школы. Когда я консультирую родителей по поводу выбора школы – пусть на меня не обижаются специалисты – я сторонник инклюзии, я сторонник того, чтобы КПД импланта был 100%. Я считаю, что такая возможность есть только в массовой среде. Всегда говорят, что надо жить здесь и сейчас, думать о текущем моменте – но, когда мы выбираем школу, нам нельзя выбирать комфорт здесь и сейчас, нам всегда нужно смотреть на дальнюю перспективу. Что будет через 9 лет, через 11, если мы пойдем в эту школу, или в эту? Я всегда говорю родителям: да, есть специальная школа с очень комфортными условиями, где специалисты высокого уровня будут понимать, как работать с вашим ребенком, и будут принимать его особенности – ему будет очень комфортно. Однако на выходе из школы – у нас нет специальных поликлиник, нет специальных магазинов, ЖЭКов и учреждений, где с распростертыми объятиями его будут ждать на работу.

Тут начинаются сложности: если у тебя есть хороший жестовый язык, и ты плохо понимаешь устную обращенную речь. Если ты сам непонятно говоришь, если ты в

процессе школьного обучения вдруг перестал носить аппарат или имплант – к сожалению, такое случается в специальных школах, в некоторых подгруппах детей: «Не круто носить аппарат, давайте будем не как слышащие, мы – особенные».

Важно учитывать эти моменты. Если вам нужна помощь специалиста, вы выбираете специальную школу или садик – вы должны понимать, как организовать вне школы и вне садика эту самую социализацию. Здорово, если это многодетная семья со слышащими детьми, и ребенку есть, где принимать речевые навыки. Или вы водите ребенка на разные кружки, где он тоже может реализовать себя, в том числе и в речевом плане.

Но если у него школа, все кружки – тоже в школе, и вся внешкольная деятельность – тоже такая, то это мало помогает социализации.

<отбивка>

Зоя Бойцева: Мы поняли, что делать, если у ребенка только нарушения слуха. А как быть детям с сочетанными нарушениями? Куда лучше пойти им?

Марина Гурьева: Здесь родители всегда должны определить, какое же нарушение – самое главное, больше всего влияет на развитие ребенка, мешает развитию – и тогда уже определять учреждение, куда отдавать ребенка. Скорее всего, это будет коррекционное учреждение.

Если у ребенка, помимо слуха, есть серьезное нарушение зрения – зрение так хорошо, как слух, с помощью аппаратов и имплантов не компенсируется. Возможно, это должен быть садик для слабовидящих детей. Если это какие-то серьезные двигательные нарушения, которые мешают ребенку развиваться – естественно, это должно быть профильное учреждение по двигательным нарушениям.

Тут важно определять, что мешает ребенку больше всего в его развитии, и по этому пути идти. Когда у ребенка несколько проблем, а не одна, и нужна помощь нескольких специалистов – есть смысл для родителей выбирать коррекционный детский сад.

Что мы еще можем порекомендовать воспитателям: здорово, когда любой специалист – неважно, на кого он учился – готов, в связи с изменяющимися условиями работы, развиваться и учиться. Родители могут аккуратно, деликатно порекомендовать какие-то источники, принести и подарить какие-то научно-популярные книжки, связанные с проблемой слуха. Здорово, если специалист не будет отказываться.

Всегда можно всё узнать: мы живем в эру интернета, узнать можно всё. Очень много бесплатных вебинаров, семинаров, разных площадок, где можно получить эту информацию. Мне кажется, если родитель деликатно поможет воспитателям и специалистам в поиске такой важной и нужной информации, и эту информацию возьмут – это будет прекрасно. Никогда обучение, развитие, не бывает лишним. Всегда

важно узнавать что-то новое, расширять свои горизонты и понимать, что если ты можешь договориться с ребенком, у которого есть проблемы со слухом, научить чему-то ребенка, у которого есть проблемы со слухом – со слышащим ребенком тебе будет намного легче, будет легче что-то объяснить ему понятно, доступно и эффективно.

Алла Маллабиу: Какие специалисты и как часто занимаются с детьми в разных садах?

Марина Гурьева: Нужно смотреть на программу сада. Если это массовый садик, чаще всего это воспитатели, и у них есть программа, которую они реализуют. В нее входит и ИЗО-деятельность, и физкультура, и музыкальные занятия. Часто бывает, что сады организуют дополнительную логопедическую помощь – в массовых садах часто бывает или ставка логопеда, или проходящий логопед, который осуществляет диагностику и дает рекомендации получения логопомощи в каких-то центрах реабилитации. Если говорить о специальных детских садах – на сайте у каждого сада есть образовательная программа, родители могут с ней ознакомиться. Если это сад компенсирующего вида – бывает, что помимо логопеда там работает дефектолог. Или, если есть дети с нарушенным слухом – это может быть сурдопедагог. Соответственно, все эти специалисты берут вашего ребенка на занятие по программе.

Зоя Бойцева: Возьмем ситуацию, когда с ребенком работает специалист, все хорошо – у него логопед, дефектолог. Могут ли родители расслабиться, выдохнуть, и все переложить на детский сад? Насколько они должны быть вовлечены в реабилитацию своего ребенка?

Марина Гурьева: Здесь важно следовать принципу: «Обеспечить максимально необходимое, и не делать избыточного». То есть ребенок не должен все время заниматься, учиться, находиться в какой-то образовательной деятельности – это очень тяжело. Ребенок должен играть, развиваться, видеть что-то интересное, захватывающее, познавать мир. Но и не обращать внимания, думать, что все за вас сделают специалисты – это иллюзия, потому что даже если мы посмотрим: в сутках 24 часа, специалист взял вашего ребенка на 15-20 минут на занятие, а все остальное время вы находитесь с ребенком, или он в свободной деятельности – понятно, что динамика не может происходить за 15 минут из 24 часов. Понятно, что родители должны держать руку на пульсе, получать задания от специалистов, заниматься дома, играть с детьми, развивать их в общекультурном плане – водить в музеи, в театры, на игровые площадки, не бояться коммуницировать с другими детьми – это все родительские задачи. Нарращивать культурный пласт – тоже родительская задача. Если же вы видите, что занятий в садике не хватает, возможно, есть смысл поискать

дополнительные возможности для занятий. Это как раз в ключе не избыточности, но необходимости. У нас в городе, в каждом районе, есть специальные реабилитационные центры, где занимаются дефектологи, психологи, логопеды – чаще всего, эта группа специалистов. В некоторых таких центрах есть сурдопедагоги. Но очень важно не уйти в другую крайность. Родителям очень важно переключаться и не входить в роль учителя, эдакую Марьиванну для своего ребенка. Это очень заметно, когда мама взяла на себя эту роль: она старается, активно учит ребенка, и такие дети приходят на занятия грустные, убитые, с потухшим взглядом. Они ничего не хотят, им ничего не интересно – потому что невозможно все время учиться.

Если у тебя мама – Марьиванна, ты не можешь дать слабину, потому что никто из нас не может подойти к учителю и сказать: «Можно я не буду делать задание? Я устал» или «А давай мы не будем сегодня вот это делать, потому что Васька пригласил меня на день рождения». Мама должна быть мамой. Я сама, как специалист, водила своего ребенка к логопеду, абстрагировавшись от того, что я что-то могу, потому что я поняла, что дочка хочет дома видеть маму. Она даже не сразу задания логопеда делала со мной – только когда она что-то поделала сама, у нее начинало получаться, она приходила ко мне, и мы делали вместе. Это было важно для нее. И динамика была очень большая. За год мы справились со всеми проблемами на тот момент. Вот это важно: мамам важно понимать, что золотая середина – наше всё. Нельзя не заниматься, как и с обычным ребенком. Откуда берутся педагогически запущенные дети? Родители думают, что кто-то за них всё сделает. И нельзя заниматься всё время: надо давать ребенку заниматься чем-то, что приносит удовольствие, радость жизни, развивает его в других направлениях. Потому что речь и слух – это не наше всё.

Алла Маллаби: А как родителям понять, что занятий в детском саду недостаточно? Где этот красный маячок? Когда – через год родитель должен заметить, что ребенок не говорит? В какой момент волноваться?

Марина Гурьева: Мне кажется, что это из серии «Одна голова хорошо, а две лучше». Во-первых, у нас замыливается глаз – и у специалистов, которые видят вашего ребенка каждый день, он тоже может замылиться. Для этого существуют, например, бесплатные реабилитационные курсы в нашем центре, где специалисты могут со стороны посмотреть на динамику вашего ребенка, на развитие относительно нормы, посмотреть, что западает, а что идет здорово. Просто помочь в каких-то направлениях развития, которые идут медленнее или труднее. Мне кажется, что есть смысл показывать каким-то специалистам – необязательно в нашем центре, просто наш центр один из немногих, что предоставляют такую помощь бесплатно – можно сходить и в какой-то хороший частный центр, показать специалистам своего ребенка. Мамы не

сидят в изоляции – они общаются с другими родителями, у вас есть прекрасное сообщество, вы можете видеть развитие других детей.

И да, никогда не надо сравнивать своего ребенка с чужим Васей или Петей, но отслеживать динамику, если вы вместе имплантировались и лежали в одной палате, и вы видите, что Вася шпарит фразами, а ваш ребенок не может запомнить несколько слов – наверное, есть повод поволноваться и сделать что-то еще. Не сравнивая в духе «хочу, чтобы как Вася», но наблюдая общие тенденции в развитии детей.

Алла Маллабиу: Есть еще такие родители, которые и не Марьянны, и не те, кто думает, что можно переложить ответственность на детский сад, но они стараются сделать для ребенка максимум. Они находят огромное количество занятий для него, и все равно волнуются, что ребенок недостаточно хорош, и, возможно, они чего-то не успевают делать. Мы с Зоей как-то консультировали одну прекрасную пару, они делали невероятные вещи для своей дочери, и волновались, что делают недостаточно. Как успокоиться?

Марина Гурьева: Здесь очевидно, что родители просто не принимают своего ребенка до конца. Здесь уже вопрос к психологу. Если родители приняли своего ребенка, приняли, что у него есть такая проблема со слухом, с речью, и начали что-то делать – они просто учатся радоваться его успехам, они не стараются сделать из него кого-то, не стараются его переделать, дотянуть до чего-то. Все эти моменты – это маркеры неприятия. Тут надо взрослым поработать над собой, над своим отношением к ребенку.

Зоя Бойцева: Мне кажется, ребенку тяжело чувствовать себя какой-то медицинской проблемой, которую все время пытаются как-то исправить, починить. Сходить куда-то, полениться, полежать.

Марина Гурьева: Мне кажется, родителям нужно фокусироваться не только на развитии слуха и речи, а понаблюдать за ребенком: что его интересует, в чем он талантлив? Потому что все дети талантливы, я не видела за свои 25 лет работы ни одного неталантливого ребенка, каждый умудрялся чем-то меня восхитить, показать какой-то навык, которым я владею хуже него. Кто-то здорово рисует, кто-то здорово двигается, кто-то здорово что-то показывает – в общем, есть масса всяких талантов у наших детей. Их важно раскрыть. И в этом они будут сильнее других, это может помочь и родителям и принять ребенка, и гордиться им, и восхищаться полноценно, потому что это действительно будет его сильная сторона, в которую можно вкладываться, развивать ее. Как знать – может, в будущем она станет частью его профессиональной деятельности.

Марина Гурьева: Самое главное здесь – понимать, что жизнь у нас одна, у нас нет черновика. Мы не можем думать: «Сейчас я научу его быть как все, доведу его до нормы, а потом мы пойдем в художественную, музыкальную школу – но сначала надо стать нормальным». Нет у нас такой возможности. Мы можем всю жизнь чему-то учиться, и умереть, так и не научившись. Нам важно эту жизнь прожить счастливо, развивать свои таланты и навыки, и плюс мы помним про социализацию: а где реализовывать речевые и слуховые навыки? В каких-то детских коллективах. Необязательно это должен быть только детский сад. Это может быть спортивный кружок – наши дети очень часто успешны в спорте. Одна из моих учениц – дважды олимпийская сурдочемпионка по многоборью. У нас есть куча ребят, которые занимают призовые места в теннисе, плавании, футболе. Очень много видов спорта, которые доступны нашим детям. Это могут быть художественные направления – многие мои ученики окончили художественные школы, продолжили свое профобразование по этому направлению. Это и роспись по батику, и архитектура, и художественные школы. Кто-то учится в Мухинском, кто-то на дизайнера – компьютерный, ландшафтный дизайн. Все это доступно нашим детям, которые хорошо умеют рисовать и конструировать. Это может быть какое-то направление художественной гимнастики. Например, у нас есть совершенно чудесная девочка, которая поражает воображение своими цирковыми выступлениями, своей гибкостью. Она заняла призовое место на российском конкурсе «Образ».

Там дети реализуют и свои речевые навыки, потому что они общаются с детьми, они слушают тренера, они должны понимать инструкции на тренировках, на занятиях – это здорово помогает в развитии пресловутого слуха и речи. Еще я вижу огромный плюс этих занятий вне школы и садика: да, наши дети не всегда могут быть лидерами в какой-то академической деятельности, хотя у нас есть и девочка, которая закончила школу с золотой медалью – нашим детям всё доступно.

Зато у них будет какая-то сильная сторона, с которой они могут себя проявить, и завоевать таким образом авторитет в классе, среди ребят, во дворе. Они могут себя проявить: «Да, мне тяжело говорить, зато смотри, что я умею! Я могу шикарно рисовать, делать анимированные мультики, крутить сальто, бегать». Всё это впечатляет, это помогает завоевать авторитет гораздо больше, чем академическая деятельность.

Алла Маллаби: Марина Геннадьевна, нарушения слуха – это страшно?

Марина Гурьева: Для родителя, который узнает о какой-либо проблеме со здоровьем своего ребенка – конечно, это страшно. И это нормально – реагировать гореванием, шоком, стрессом на такое известие. Тут самое главное – найти в себе силы пережить этот кризис, этот шок, принять эту ситуацию и начать действовать. Пока ты не начнешь

действовать – горе будет сильно давить. Ты будешь расстраиваться, все твои силы будут уходить на переживание проблемы. Как только ты начинаешь что-то делать – начинается перераспределение сил. Горевать становится некогда.

Когда ты обернешься вокруг, пообщаешься с людьми с похожими проблемами, увидишь, что решение есть, никто не умирает и не сидит одиноко в интернатах, а благодаря тому, что технологии идут вперед – мне кажется, что реабилитация по слуху вообще находится в хедлайнерах – и это страшно, но не смертельно. Скажем так. Я сама – мама, которая не пережила проблему с ребенком по слуху, зато я узнала, когда моему ребенку было 4 года, что она практически не видит одним глазом. У нас была достаточно долгая реабилитация зрения. Я помню это период, когда ты не знаешь, куда податься и что делать – ты плачешь, тебе плохо и страшно. Но как только ты начинаешь что-то делать – тебе некогда плакать.

Я знаю, что у того, кто все силы с любовью вкладывает в своего ребенка, всё будет хорошо.

Зоя Бойцева: Это был подкаст «Не понаслышке» о нарушениях слуха у детей. Над подкастом работали основатели организации «Я тебя слышу». Я Зоя Бойцева.

Алла Маллабиу: Я Алла Маллабиу.

Зоя Бойцева: А также команда подкаст-студии «Две дорожки».

Алла Маллабиу: Проект реализован при поддержке фонда президентских грантов.